

РУССКАЯ ГРАММАТИКА МАРКА РИДЛЕЯ КАК ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ДАННЫХ ОБ ОВЛАДЕНИИ ВТОРЫМ ЯЗЫКОМ

La gramática rusa de Marc Ridley como fuente valiosa de datos
sobre la adquisición de la segunda lengua

Mark Ridley's Russian grammar as a valuable source of data
about second language acquisition

Дмитрий Г. Демидов

*Тайбэйский государственный университет Чжэнчжи
Тайбэй (Тайвань)*

Леонид В. Московкин

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)*

Dmitry Demidov

Universidad Nacional Chengchi de Taipei (Taiwán)

Leonid V. Moskovkin

Universidad Estatal de San Petersburg (Rusia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 16.02.2015

Fecha de evaluación: 16.11.2015

Cuadernos de Rusística Española n° 11 (2015), 15 - 32

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена рассмотрению первого грамматического описания русского языка – грамматики кремлевского врача Марка Ридлея (конца XVI века). Доказывается, что эту грамматику, которая является примером интерязыка, можно рассматривать как ценное свидетельство естественного овладения вторым языком. В грамматике Ридлея получили отражение стилистические особенности устной русской речи, поэтому ее можно рассматривать и как источник знаний о разговорной речи москвичей конца XVI века.

Ключевые слова: овладение вторым языком, русская грамматика, Марк Ридлей, интерязык, XVI век.

ABSTRACT

This article deals with an analysis of the first description of the Russian language – the grammar of Mark Ridley, physician in the Kremlin (at the end of the 16th century). It is an example of interlanguage and may be examined as valuable evidence of naturalistic second language acquisition. The stylistic features of Russian oral language as a source of knowledge about the spoken language of Muscovites of the end of the 16th century. Key words: second language acquisition, Russian grammar, Marc Ridley, interlanguage, 16th century.

Keywords: second language acquisition, Russian grammar, Mark Ridley, interlanguage, 16th century.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Первым из дошедших до нашего времени и, к сожалению, малоисследованных грамматических описаний русского языка является грамматика Марка Ридлея (конец XVI века) – одно из руководств для изучения русского языка, которые в XV – XVII веках составляли для своих нужд иностранцы. Эти руководства, среди которых известны не только грамматики, но главным образом разговорники, сборники текстов, алфавитные и тематические словари, представляют интерес для специалистов:

- по истории русского языка, так как в них отражаются особенности языка того или иного исторического периода;
- по истории языкознания, так как они прямо или косвенно свидетельствуют о развитии лингвистической мысли в Европе и в России;
- по истории педагогики и образования: они показывают, как иностранцы изучали русский язык в тот или иной исторический период, как развивались методические идеи.

Существует и еще один возможный аспект исследования этих источников, пока еще не отраженный в научной литературе, – некоторые из них можно рассматривать как свидетельства процесса овладения вторым языком. В настоящей работе русская грамматика Марка Ридлея будет рассмотрена прежде всего с этих позиций: нас будет интересовать, какую русскую речь слышал Марк Ридлей, как он ее интерпретировал, какие закономерности овладения вторым языком нашли отражение в его грамматике.

2. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О МАРКЕ РИДЛЕЕ И ЕГО ТРУДАХ

Марк Ридлей (1560 – 1624) окончил бакалавриат и магистратуру в Кембриджском университете. Там же в 1592 г. он защитил докторскую диссертацию по медицине и затем был избран членом Совета Лондонского медицинского колледжа. В 1594 году Ридлей был направлен королевой Елизаветой в Москву ко двору царя Федора Иоанновича в качестве придворного лекаря, где он служил до 1599 года, то есть находился там еще и в период правления царя Бориса Годунова. Именно в Москве он составил русско-английский словарь и англо-русский словарик, известные тем, что это первые большие словари разговорного русского языка и в них содержится не только общеупотребительная, но и необходимая для врача специальная лексика –

названия болезней, лекарственных растений, частей тела и т.д. В русско-английский словарь включен краткий очерк русской грамматики, написанный на четырех листах (всего 8 страниц) и являющийся первым опытом грамматического описания разговорного русского языка. По возвращении в Англию Ридлей вернулся на службу в Лондонский медицинский колледж и опубликовал большое исследование по медицине (Stone 1996: 9-20).

Рукописи Ридлея хранятся в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде под шифрами *Laud misc. 47a* и *Laud misc. 47b*. В 1996 г. они были опубликованы Джеральдом Стоуном с его же комментариями (Stone 1996), однако грамматика Ридлея Стоуном не анализируется. Описание этой грамматики пока предложил только Б.А. Успенский (Успенский 1992: 106-113), который, впрочем, не увидел в ней никакой ценности. Он отмечал: «Описание русского языка у Марка Ридлея, разумеется, весьма несовершенно и содержит немало прямых ошибок, на которых здесь нет необходимости останавливаться» (Успенский 1992: 107–108). Заметим, что для исследователей процесса овладения вторым языком значительный интерес представляют именно языковые ошибки.

Рассмотрим особенности грамматики Марка Ридлея.

3. АЛФАВИТ

Начинается грамматика Ридлея с алфавита. Интересно, что автор различал церковнославянскую и русскую азбуки и считал, что русские буквы заимствованы из церковнославянского языка: «The Rousse Alphabet consisteth of 41. letters w[hi]ch ar[e] borrowed from the Slavonian ...» (Stone 1996: 45)¹. Приводя церковнославянские буквы, Ридлей указывает, какие из них не используются при письме на русском языке². Кроме того, он отмечает особенности русского правописания своего времени: отсутствие пунктуации, прописных букв и пробелов между словами. Самостоятельно получить такие сведения невозможно, и это позволяет предположить, что у Ридлея, по крайней мере, на начальных стадиях изучения русского языка был учитель, который помогал ему освоить русскую азбуку, научиться читать и писать. Таким образом, Ридлей не только различал русский и церковнославянский языки, но и осознавал, что для каждого из этих языков существует своя азбука.

Для каждой из 41-й буквы даются два начертания, заглавное и строчное, ее славянское название латинскими буквами и указание на ее произношение. Вероятным источником этого алфавита является «Букварь» Ивана Федорова (Федоров 1574), и это позволяет считать, что процесс овладения русским языком у Ридлея не был в полной мере естественным (*naturalistic*). На него по крайней мере на начальном

1. Все примеры и цитаты из грамматики Ридлея приводятся по изданию Джеральда Стоуна (Stone 1996).

2. Б.А. Успенский пишет о том, что русские буквы у Ридлея ассоциируются со скорописью, а славянские с полууставом (Успенский 1992: 108), что мы не смогли проверить, так как анализировали не рукописный вариант грамматики Ридлея, а печатный, представленный в книге Дж. Стоуна.

этапе, оказывал влияние учитель, обучавший Ридлея чтению при помощи «Букваря» Ивана Федорова.

4. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Собственно грамматическое описание начинается с определения существительного и прилагательного, и сразу же автор переходит к понятию числа (*Гость – Гости*), игнорируя понятие рода. Автор не только не указывает образцы существительных, демонстрирующие яркие и очевидные родовые различия (*братЪ – сестра – селО*), но и приводит характерный пример *Гость*, не позволяющий определить род слова по его форме (м.р. *гость* / ж.р. *кость*). Возможно, Ридлей не видел родовых различий в русском языке под влиянием родного английского языка, в котором отсутствует категория рода имен существительных, а может быть, он не считал, что лексические и словообразовательные показатели рода находят надежное формальное обобщение и выражение в русской морфологии³.

История категории рода в русском языке, особенно во множественном числе⁴, давала повод носителю английского языка пренебрегать ею. Нечеткое представление о роде существительных, возможно, является причиной того, что в грамматике неотчетливы и представления о склонении. Ридлей давал лишь одно склонение существительных, включающее шесть падежей (*Nominative, Genitive, Dative, Accusative, Vocative, Ablative*). Он писал:

«... the nominative hath divers terminations ... the genitive and dative end in .y. the accusative end in .y. or .a. the vocative and ablative either lyk[e] the nominative, or els[e] in e. or я. The nominative plurallin .u. or .v. the other cases as the nominative, or in .m. or .x.

(... именительный падеж имеет различные окончания ... родительный и дательный оканчиваются на –у, винительный на –у или –а, звательный и отложительный либо как именительный, либо оканчиваются на –е или –я. Именительный падеж множественного числа оканчивается на –и или на –в, другие падежи оканчиваются, как именительный, или на –м, или на –х)».

Это правило иллюстрируется парадигмой слова *Головь (Head)*:

[Nominative]	Голов[ъ]	Голови
[Genitive]	вГолову	Головомъ
[Dative]	кГолову	Головихъ
[Accusative]	Голова. у	Голови
[Vocative]	Головь	Головихъ
[Ablative]	Голове	

3. Не в последнюю очередь это поддерживали широкие колебания в роде в разговорной речи, отражавшие развитие русского языка в конце XVI века. Ср. *женишко... мое... лежит при смерти; усадбишко мое; дворишка... старое; дочеришка мое; сынишко мое; коровенко мое* (Котков 1974: 193-194). Услышав такие варианты в согласовании по смыслу и по форме вроде *осадный голова / осадная голова*, Ридлей вряд ли мог безошибочно определить род существительных.

4. Из последних работ см. (Луконина 2005).

Названия этих падежей и порядок их следования заимствованы непосредственно из латыни. Об этом свидетельствует имеющийся в латыни и отсутствующий в русском языке *ablative* – отложительный падеж⁵.

Каждая из форм парадигмы слова *Головь* нуждается в комментарии.

Форма именительного падежа единственного числа *Головь*, которая представляет собой основу слова с нулевым окончанием, рассматривается автором как исходная форма, именно от нее он образует формы косвенных падежей. Отметим, что в русско-английском словаре Ридлея, который, вероятно, был написан позже грамматики, приводится правильная форма именительного падежа слова *голова* со значением *the head, a captaine* и дан пример *болить голова* (Stone 1996: 109). Вместе с тем, в этом словаре некоторые слова женского рода также осмысливаются как основы с нулевым окончанием, то есть как слова мужского рода: *главь – a chapter; глинь – clay, mortar, mud; рудь – the mine, a mettall, soote* (Stone 1996: 105, 106, 353).

Не исключено, что слово *голова* первоначально было услышано и усвоено Ридлеем не в значении *the head (голова как часть тела)*, а в значении *a captaine (начальник, руководитель)*, причем в формах косвенных падежей, из которых невозможно было вывести правильную начальную форму, например, в форме предложного падежа *головь*, совпадающей с аналогичной формой слов типа *столь*. При этом слове были распространены определения *казачий, осадный, станичный голова* (Котков 1997: 301) с согласуемыми прилагательными в мужском роде, которые дают неверную «подсказку» для образования начальной формы. Так, слыша на *стрѣлецкого гóлову*, Ридлей мог конструировать именительный падеж **головь*, обобщая все имена лиц флексией –ь. Кроме того, в родном языке Ридлея имена женского рода вроде *Елизавета* звучали как *Элисаветь*, и это соотношение в интернационализмах поддерживало решение в пользу *головь*.

С.И. Котков указывал: «Род таких имен существительных – названий лиц мужского пола, как *голова, сирота* и *староста*, в московском говоре той поры, в отличие от более раннего времени, определялся уже не формально-грамматически, а по смыслу: на *стрѣлецкого голову* (48), *тот стрѣлецкои голова* (48-49), *обѣзднова голавы* (72), *обѣзжей голова* (82), *сказал голова московских стрелцов* (223) и т.д.» (Котков 1974: 191). Далее он отмечал, что процесс такого согласования по смыслу начался из Москвы. Сохранились и более старые согласования по форме, например, в Челобитной 1593 г.: «И *касаchia гдрь галова Косарин Ладыженскои меня халопа твоева велѣл поимат*» (Котков 1990: 17). В условиях вариантов *казачий / казачьа*

5. В написанной в 1704 году русской грамматике пастора Иоганна Эрнста Глюка также выделяется *Ablativus*, к которому автор относит формы русских предложного и творительного падежей (*о стдѣе, стдѣею*) или творительного и родительного падежа с предлогом «от» (*о^m воды, водою*) (Glück 1994: 182-183). Такой подход в целом закономерен для грамматистов, отталкивающихся от латыни, в которой отложительный падеж выражал отделительное, инструментальное и местное значения. Другой пример – «Донатус меншей» Дмитрия Герасимова (1522 г.), в котором *Ablativus* переводится как «отрицательное падение» и ему приписывается отделительное значение, то есть значение родительного падежа с предлогом «от» (*о^m сего оучителя, о^m сего мудрости, о^m сего седилица*) (Ягич 1895: 825, 827).

голова иностранцу Ридлею было еще труднее определить род существительного. Отметим попутно отражение развитого состояния аканья в этой челобитной, современной Ридлею. Да и в его словаре, следующем за грамматикой, наблюдается более-менее сознательное отношение к аканью, ср.: «алади See олады», «аполонити See ополонити», «апосталь See апостоль», «астрашение See острашение», «астрашати See острашати», «вѣжтва See вѣжество»⁶.

Первостепенную роль в оценке возможных контаминаций играет акцентная характеристика реальной парадигмы существительного *голова*. В форме винительного падежа единственного числа ударение падает на первый слог: *го́лову*. Не исключено, что именно оно распространяется на всю парадигму слова с полногласием под исконным нисходящим ударением (ср. *го́лодь, холо́дь, го́лосъ* с развитыми вариантами *гладь, хладь, глась*), в том числе и на начальную форму, которую Ридлей реконструировал как **головъ* по аналогии с приведенными полногласными сочетаниями в словах мужского рода.

Известно, что иностранцы усваивают акцентные парадигмы с большим трудом. Легче всего усваиваются слова с постоянным ударением на основе (*ба́ба, воево́да*), труднее слова с постоянным ударением на окончании (*же́на, слуга́*), а подвижное ударение, как в слове *голова́*, причисляется скорее к первому, чем ко второму типу. Морфологические и фонетические признаки интерференции, усиливая друг друга, объясняют ошибку *головъ*. Вполне определенно можно утверждать, что в момент написания грамматики Ридлеем не была усвоена подвижная акцентная парадигма.

Формы родительного падежа *вГолову* и дательного *кГолову* содержат исходную форму с прибавлением предлогов *в* и *к* и окончания *-у*, характерного в разговорном языке для слов мужского рода (ср.: *из саду – к саду*). Станным кажется предлог *в* в сочетании с формой родительного падежа. Можно предположить, что в данном случае Ридлей стремился отразить вариант предложного падежа на *-у* (*въ саду*). Произношение предлога *въ* в Южной Руси стремилось к *у* неслоговому, что хорошо соответствовало слуховому опыту англичанина с его родным *w*. Это дополнительный фактор, сближающий выражения *въ саду* и *у саду*.

Винительный падеж представлен двумя формами. Форма *Голову* сомнений не вызывает – она характерна и для современного литературного языка. Форма *Голова* встречается в современной устной диалектной речи. Она была зафиксирована и в памятниках письменности XVI века, испытавших влияние разговорной речи, например, в оборотах с инфинитивом типа *шапка дарить, трава косить* (Unbegaun 1935: 128-131). По всей вероятности, такие обороты с инфинитивом Ридлей

6. Словарь имеет весьма важное самостоятельное значение как источник исторической фонетики русского языка. Для множества вокабул дается вариант фонетического и вариант этимологического написания. Например, это касается перехода *Е* в *О*, ср.: «вероветка See веревочка», «веровка See веревка». Англичанин Ридлей слышал гласные со своим фоном богатого вокализма намного лучше русских с их фоном скромного вокализма и богатого консонантизма. В его словаре впервые проводится сознательное и более-менее систематическое различие слышимой/произносительной и орфографической стороны языка, что делает его надежным и незаменимым источником исторической фонетики русского языка.

слышал и точно отразил форму винительного падежа *Голова* у себя в парадигме как реальный вариант при инфинитиве.

Форма звательного падежа *Головь* совпадает с формой именительного, что соответствовало состоянию разговорного русского языка конца XVI века, в то время этот падеж существовал только в церковнославянском языке.

Обращает на себя внимание форма по названию отложительного, а по функции предложного падежа *Голове*, в которой отражается существовавшее в разговорном языке совпадение *-ъ* с *-е*. Совпадение этих гласных как без ударения, так и под ударением отмечается в письмах царя Алексея Михайловича, князя Н.И. Одоевского, боярыни Ф.П. Морозовой, дворян Леонтьевых, даже у писцов-подъячих, людей с орфографическими навыками. Употребление *-е* вместо *-ъ* встречается примерно в половине написаний с небольшим перевесом безударных позиций, в которых число таких ошибок несколько больше (Котков 1974: 102-162). Москвичи в XVI – XVII веках еще должны были различать «*ѣ*» и «*е*» под ударением, однако в указанный период речь столицы, как и в наше время, не обладала единообразием, среди ее жителей встречались носители разных диалектов. Кроме того, как видим, у Ридлея не было строгого образца письменной деловой речи, то есть опереться ему было не на что.

Форма именительного падежа множественного числа *Голови* появилась у иностранца, не различавшего *-и* и *-ы*, который именно так мог воспринимать форму *головы*. Собственно морфологическую поддержку этого решения видим в правильных и самых продуктивных формах типа *сосѣди*. Однако в правиле для существительных множественного числа, которое приводит Ридлей, указывается еще и окончание *-в*. Не исключено, что так показано влияние форм *сынове*, *попове*, *архиереове*, хорошо известных в церковнославянском языке как варианты именительного падежа множественного числа и распространенных в XVI – начале XVII веков обычно в именах со значением лица. Ридлей мог слышать эти формы и воспринимать их как формы, оканчивающиеся на *-в*, поскольку на абсолютный конец ударение в них никогда не падало, и последний звук [э] сильно редуцировался. Если наше предположение справедливо, то это означает, что в устной речи, которую воспринимал Ридлей, употреблялись не только обиходно-просторечные, но и книжные формы на *-ове*. Впрочем, это не должно удивлять, так как Ридлей, будучи кремлевским врачом, общался с образованными людьми, говорившими на русском языке с большой примесью церковнославянских слов и форм.

Форма родительного падежа множественного числа *Головомъ* дана неверно. Вместо нее приведена форма дательного падежа для слов мужского рода (Им.п. ед.ч. *столь* – Дат.п. мн.ч. *столомъ*). Такое воздействие самого продуктивного типа склонения было и в реальности, например, вместо правильного *владыкамъ* в письменных документах иногда писали *владыкомъ*. Впрочем, общесистемный синкретизм родительного, дательного и местного падежей – общее свойство русского грамматического строя (см., в частности, (Алпатова 2005)). Следствием этого синкретизма может быть объединение русских родительного и местного падежей в грамматике Ридлея.

Для дательного падежа приводится та же форма, что и для звательного *Головихъ*. Не исключено, что из-за отсутствия формы родительного падежа вся

парадигма форм множественного числа была сдвинута на одну форму вверх, то есть произошло то же, что и в парадигме прилагательных (см. ниже). В этом случае форма *Головихъ* – это форма винительного падежа, образованная по аналогии с формами прилагательных, местоимений и порядковых и собирательных числительных при одушевленных существительных, *Голови* – форма звательного падежа (она не отличалась от формы именительного падежа), следующая форма *Головихъ* – форма отложительного, а точнее, предложного падежа. На ней стоит остановиться особо.

Форма *Головихъ* больше похожа на **головѣхъ*, образованную по аналогии с формой предложного падежа слов мужского рода *стольхъ* (в действительности же должно было быть, как и в современном языке, *головахъ*). И хотя смешения *-и-* и *-ѣ-* у москвичей не было, смешение *-ихъ* и *-ѣхъ* у Ридлея происходит, видимо, по морфологической аналогии внутри парадигмы. Не исключено, что это смешение было представлено в речи тех жителей Москвы, которые были выходцами из Новгорода и Пскова. Впрочем, в данном случае можно усматривать и влияние родного для Ридлея английского языка, в котором в XVI веке осуществлялся сдвиг гласных – переход закрытого долгого [e:] в долгий [i:], его следы сохранились в современной английской орфографии (Иванова, Чахоян, Беляева 2001: 81-84).

Таким образом, в парадигме склонения имени существительного *Головь* в основном приводятся падежные формы существительных мужского рода (за исключением винительного падежа), что не кажется странным, если иметь в виду, что это наиболее продуктивный тип склонения в русском языке и он должен усваиваться иностранцами в первую очередь. Рассмотрение парадигмы слова *Головь* в соотнесении с формами, существовавшими в русском языке в XVI веке, позволяет считать, что Ридлей усваивал правила формообразования существительных самостоятельно, у него уже не было консультанта, который мог бы исправить его ошибки, вызванные внутриязыковой и, возможно, межъязыковой интерференцией.

5. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Описание имен прилагательных в грамматике Ридлея показывает, что некоторое представление о роде он все же имел, но сужал возможности этой категории только до согласовательной функции (не классифицирующей, как у существительных). Он утверждает, что прилагательное склоняется, как и существительное, при этом в именительном падеже сохраняется женское окончание (*fæminine termination*) *-a*: *великъ*, *велика*. Далее Ридлей пишет, что обычно прилагательные оканчиваются на *-ои*, *-ски* или на согласный.

Эти правило иллюстрируется парадигмой склонения прилагательного *великъ*:

<i>Singular</i>	<i>Plural</i>
<i>великъ. велика.</i>	<i>велики. великими.</i>
<i>велику.</i>	<i>великомъ.</i>
<i>великую.</i>	<i>великихъ.</i>
<i>великому.</i>	
<i>великого.</i>	

Если в данном случае порядок следования падежей такой же, как и в парадигме слова *Головъ* (Nominative, Genitive, Dative, Accusative, Vocative, Ablative), то возможно, что в единственном числе правильная краткая форма родительного падежа единственного числа мужского рода *велика* отсутствует, и вся парадигма оказывается сдвинутой. Тогда форма *велику* – это дательный падеж, а *великую* – винительный, но в таком случае *великому* – это звательный падеж. Это маловероятно, хотя и возможно, так как существует множество синтаксических конструкций, в которых дательный падеж близок по своей функции звательному, напр., в значении адресата: Ср. *Пишу письмо брату и Брате, пишу тебе письмо*. Во втором типовом примере наглядно видно, что вокатив в парцелированном виде представлен дативом при глаголе. Таким может быть естественный источник ошибки в парадигме Ридлея. Ср.: *Онъ пишетъ великому князю и Княже великий! Пишу тебе...* Можно считать правдоподобной эту версию еще и потому, что полные прилагательные лишены формы звательного падежа (он совпадает с именительным падежом), и если необходимо ее сконструировать искусственно, то дательный падеж – самый подходящий вариант.

Внутриязыковая интерференция в данном случае усиливается еще и омонимией звательного и дательного падежей в мягкой разновидности склонения: *царю! Игору!* В древнерусских источниках встречаются примеры употребления дательного падежа прилагательного *великий* в значении звательного, обусловленные омонимией обеих падежных форм в определяемых существительных (Национальный корпус русского языка 2014)⁷:

- (1) А писать свои грамоты сие: "Въсточному *великому царю Мамаю!*..." [Сказание о Мамаевом побоище. 1400-1425].
- (2) Великому царю и *господарю великому князю* ниское челобитие. [Верительная грамота, данная [кахетинским царем] Александром [I] послам Нариману, Дамияну и сопровождающему их чеченцу Хозе-Маруму, отправленным [в Москву] к великому князю [Ивану III Васильевичу]. 1483-1491].
- (3) И будетъ тебѣ, *государю великому царю*, не полюбится службишко мое и рѣчи... [Иван Пересветов. Большая челобитная. 1549].
- (4) И оставя яз там дворянскую службу, и выехал есми на твое государево имя, слышавши от многих мудрецов, что быти тебѣ, *государю, великому царю* по небесному знамени. [Иван Пересветов. Малая челобитная. 1549].
- (5) Еугении епископъ, рабъ рабом божиим, *превысокому князю Василью Васильевичю Московскому* и всея Руси *великому царю*, спасение и апостольское благословение. [Московский лицевой свод. 1560-1570].
- (6) Во странстве пребывающе и во убожествѣ от твоего гонения, титул твой величайший и должайший оставя, зане от оубогихъ тобѣ, *великому царю*, сие непотребно, но негли от царей царемъ сие прилично таковыя имянования сопреизлишнымъ предолжениемъ исчитати. [Андрей Курбский. Третье послание Ивану Грозному. 1577-1583].

7. Ниже приведены примеры из Старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка. Названия источников и годы их создания даны в квадратных скобках.

В челобитных и других посланиях формула *тебѣ, великому царю* синонимична *тебѣ, великий царю*. Практика письменного и, конечно же, устного употребления, распространенная в XV-XVI вв., допускала употребления в значении звательного падежа формы полного прилагательного *великому*. Так находит свое оправдание последняя из словоформ в "сдвинутой" парадигме Ридлея.

Форма адресата *великому князю* иногда замещала в речевой практике и именительный, и звательный падеж **великий княже, *великий царю*. В Национальном корпусе русского языка встречается немало случаев употребления дательного падежа вместо именительного или винительного в древнерусском языке:

- (7) *Самому же князю великому* бяше видѣти весь доспѣх его битъ, язвень, но на телеси его не бяше раны никоеа же, а бился с татары в лице, став напреди на первомъ суймѣ [Летописная повесть о Куликовской битве. 1380-1430]. Субъектные значения русского дательного падежа известны, напр., в обороте дательный самостоятельный:
- (8) *Князю* же, слышавшу хвалу Мамаеву, и рече... [Летописная повесть о Куликовской битве. 1380-1430].
- (9) Въ ино время предреченному *великоименитому князю* Владимиру умолившу святого Сергия, да сим же образом приидет въ отечство его, град Серпоховъ, и благословит мѣсто на рѣцѣ Наре, и въздвигнет церковь въ имя Зачятія пречистыа Богородица» [Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского. 1417-1418] (Национальный корпус русского языка 2014).

В парадигме Ридлея наиболее интересна форма *великого*, приписываемая, вероятно, отложительному падежу (*Ablative*). В данном случае, как и в случаях, описанных выше, отложительный падеж отождествляется с родительным.

Среди форм множественного числа все, кроме *великомъ*, отражены правильно, хотя распределение их по падежам не указано. Возможно, что форма *велики* соотносилась не только с именительным падежом, но также с винительным и звательным, форма *великими* не только с дательным, но также и с отложительным (в инструментальном значении), форма *великихъ* – с родительным и отложительным (в местном значении).

Таким образом, как и в случае с существительным *Головъ*, Ридлей выделяет в качестве исходной формы прилагательного форму мужского рода с нулевым окончанием *великъ* и далее дает вразнобой ряд других форм, причем также смешивает косвеннопадежные формы мужского и женского рода.

Ридлей описывает степени сравнения прилагательных, отмечая, что прилагательные имеют положительную и сравнительную степени и не всегда превосходную (*Adjectives have the [i]r positive and co[m]parative degree but hardly the superlative*). Тем не менее, он указывает, что большая часть прилагательных имеет три степени сравнения: положительную *чернь, ласковъ*, сравнительную *чернеа, ласковеа*, превосходную *причерной, приласковъ* (с произношением безударного пре- как *при-*).

Отталкиваясь от латинской грамматики, в которой существовала трехкомпонентная система степеней сравнения прилагательных, а возможно, и от английской грамматики, Ридлей и в русском языке искал три степени сравнения, хотя находил только две – положительную и сравнительную. Он принимал за превосходную степень формы прилагательных с приставкой *пре-*, так называемые степени качества, образованные под влиянием церковнославянского языка (*пресвятый, всеблагий, трествятый*). Подобные формы широко употреблялись и употребляются в разговорной речи: *вокрасно* в значении *очень красно*, *прехорошенькая девушка* в значении *очень хорошенькая*⁸. Приводимые Ридлеем примеры *причерной, приласковъ* – это ценное свидетельство раннего проникновения церковнославянской модифицирующей приставки *пре-* (не *пере-*) в русскую разговорную речь.

Очевидно, что правила формообразования имен прилагательных Ридлей также усваивал самостоятельно. Он зафиксировал различные формы прилагательных, но во время написания грамматики еще не полностью усвоил их соотношение с падежами.

6. МЕСТОИМЕНИЕ

После прилагательных в грамматике Ридлея описываются местоимения, в первую очередь личные: три формы местоимения 1-го лица единственного числа (*язь, мена, мне*), пять форм местоимения 2-го лица единственного числа (*ти, тебе, тоба, тобоа, стобоу*), четыре формы 1-го лица множественного числа (*мы, насъ, намъ, снами*), три формы 2-го лица множественного числа (*вы, васъ, вамъ*), шесть форм местоимения 3-го лица множественного числа (*они, ихъ, имъ, у нихъ, с нимъ, с нихъ*). Очевидно, Ридлей записывал формы личных местоимений, которые ему встречались в общении с русскими людьми, но, вероятно, далеко не все формы он зафиксировал.

Все парадигмы личных местоимений начинаются с именительного падежа, далее формы даны вразнобой: в одних случаях они расположены в последовательности а) именительный, б) родительный или винительный, в) дательный, в другом случае – в последовательности а) именительный, б) дательный, в) винительный или родительный. В некоторых парадигмах последними указываются предложные формы (*стобоу, снами*).

Описывая личные местоимения 3-го лица единственного числа, Ридлей выделяет местоимения мужского и женского рода *онъ* и *она*, однако формы косвенных падежей этих местоимений даются по мужскому роду (*у нему, у нево, у него*). Завершает парадигму форма *сомной*, которая должна была бы находиться в другой системе

8. В современном русском языке распространены образованные от форм сравнительной степени с помощью префикса *по-* неизменяемые слова (прилагательные и наречия) с категориальными свойствами и значением компаратива, но с общим значением смягченной, умеренной степени проявления признака: *поинтереснее, посуше, пониже, подольше, поменьше* [Русская грамматика 1980].

форм. Формы местоимений *онъ* и *она* в грамматике Ридлея не разводятся, что и неудивительно, если иметь в виду его нечеткие представления о категории рода в русском языке.

Далее дается парадигма притяжательных (судя по английскому переводу Ридлея) местоимений 3 лица, представленная в именительном падеже формами *еси* (*he*) и *еи* (*she*), в других падежах – *ему*, *евоъ* *of him or of her*; *евово*, *его*, во множественном числе – *евовимъ* *his, hers, евових*. Не исключено, что эти формы восходят к существовавшим в древнерусском языке формам указательных местоимений *и*, *я*, *е*, которые в дальнейшем легли в основу склонения современных личных местоимений *он*, *она*, *оно* (Черных 1952: 191). Ридлей справедливо воспринимал их как притяжательные местоимения, особенно форму женского рода *еи* (в устной речи – сокращенное *еъ*, в церковнославянском *ея*, современное литературное *её*). Среди косвенных падежных форм встречается и форма мужского рода *его*, также вошедшая в современный литературный язык. Формы *евоъ*, *евово*, *евовим*, *евових* отражают тенденцию склонять притяжательные местоимения 3 лица (ср. склоняемые современные просторечные формы *евоний*, *еёный* и особенно *ихний*). Это явные болгаризмы и сербизмы типа *негов*, *негов*, представляющие собой наследие второго южнославянского влияния, получившего отражение в речи образованных русских людей. Без грамматики Ридлея мы бы не имели представления о проникновении этих книжных форм XV-XVI вв. в устную речь. Исторически они были замещены новейшими просторечными и тоже склоняемыми формами типа *евоний*. Современные несклоняемые притяжательные прилагательные типа *его* из родительного падежа суть церковнославянизмы. Историческое соотношение вариантов *евоъ* / *его* / *евоний* такое же, как *врѣхъ* / *верхъ* / *верѣхъ*. Средний член закрепляется в современной литературной норме.

Происхождение формы мужского рода в именительном падеже *еси*, на наш взгляд, таково: Ридлей переносит внимание с изофункционального местоимения *ты* на глагольную связку перфекта и вставляет ее в парадигму местоимения. Неразличение 2-го и 3-го лица единственного числа в глагольных формах аориста, имперфекта и зловой формы (которая не различает и 1-е лицо) закрепляет эту ошибку.

В грамматике Ридлея приводятся парадигмы возвратных местоимений *самъ* и *сама*, которые соотносятся с 3-м лицом (*himselfe. hirsselfe*), вопросительных местоимений *что* (*who*), *кѡи* (*what*), *кѡроуи*, *кѡропа* (*w[hi]ch*), указательных *се*, *сеа*, *сеа* (*this*), *моу*, *та*, *тотъ*, *тотъже* (*th[a]t*), *ето*, *ета*, *етотъ* (*this*), притяжательных *моу*, *моа* (*mine*), *твоуи*, *твоя*, *твоискоуи* (*thine*), *своуи*, *своя* (*his, hir owen*), *нашъ*, *наша* (*ours*), *вашъ*, *ваша* (*yours*). Отметим, что форма *твойской*, явно не сконструированная Ридлеем искусственно, достойна быть внесенной в исторические словари и грамматики русского языка. Грамматика Ридлея – единственный источник начала действия этой очень живой продуктивной модели, по которой образована аффективная просторечная форма *нашенский*. Очень может быть, что Ридлей слышал эту шутливую форму при обращении к нему русских знакомых, которые иронизировали над известной прижимистостью англичанина и его боязнью утратить собственность. Ср. лексикализацию подобного образования *свойский*.

В парадигмах склонения местоимений Ридлей приводит варианты формы *у нево* и *у него*, *ково* и *кого*, *моево* и *моего*, *етово* и *етого* и т.д. Б.А. Успенский

считает, что Ридлей различает их как формы родительного (на –го) и винительного (на –во) падежей (Успенский 1992: 109). Мы же полагаем, что в данном случае имеет место фиксация особенностей речи образованных и малообразованных людей. Формы на –*ово* и –*ево* характерны для московского просторечия. Формы на –*ого* и –*его*, проникшие в речь образованных русских людей как следствие второго южнославянского влияния, являлись принадлежностью речи грамотных москвичей. Доказательством стремления Ридлея представить в своих записях разные стилистические варианты и является включение их в парадигмы местоимений: в этих парадигмах формы на –*во* и на –*го* идут одна за другой, и в тех случаях, когда они сопровождаются английским переводом, они переводятся одинаково. Кроме того, отражением разных стилей речи в грамматике Ридлея является то, что книжные формы указательного местоимения *се, sea, see* соседствуют с просторечно-разговорными формами *ето, ета, етотъ*. Б.А. Успенский справедливо указывает, что Ридлей был первым, кто письменно зафиксировал местоимение *этот* (Успенский 1992: 109).

7. ГЛАГОЛ

При описании глагола в грамматике Ридлея исходной формой выступает форма инфинитива, причем автор указывает, что инфинитив может оканчиваться на –*ть* и на –*ти*. В этом также отражается его стремление отразить стилистические особенности речи москвичей.

Ридлей выделяет в русском языке четыре спряжения: для глаголов на –*ать* / –*ати*, на –*еть* / –*ети*, на –*ить* / –*ити*, на –*уть* / –*ути*, в чем можно усматривать влияние латинской системы спряжений (I на –*are*, II на –*ēre*, III на –*ēre*, IV на –*ire*).

Формы настоящего времени (Praesens) представлены Ридлеем вполне адекватно, хотя автор добавляет к ним еще одну – *делаеша*, которую он считает формой 3-го лица единственного числа женского рода (*делаеша – she doth make*): *Делаю. Делаешь. Делаеша. Делаетъ. Делаемъ. Делаете. Делутъ*.

Употребление *делаеша* в значении *она делает* не совсем понятно. Б.А. Успенский полагает, что это попытка Ридлея передать книжную форму 2-го лица единственного числа на –*ши*: *дѣлаеши* (Успенский 1992: 109-110), что в данном контексте представляется неубедительным. Мы же полагаем, что это возможное переосмысление значения архаичной формы 3 лица множественного числа аориста *дѣлаеша*, которая вышла из обиходного употребления, но при этом, возможно, еще оставалась на периферии языкового сознания⁹. Ее соотносению с женским родом формы единственного числа способствует конечный –*а*, сближающий фонетически формы прошедшего времени на –*ша* и на –*ла*. Случаев замены форм типа *смотрѣла* на формы типа *смотрѣша* немало в сатирических и других повестях XVI-XVII веков. Во всяком случае, категория лица оказывает в данном случае большее давление, нежели категория времени, утратившая различительную способность в

9. О смещении простых претеритов при длительном сохранении их остатков см. одну из последних работ (Герасимова 2009).

формах типа *делаеша – делала – делаеть*. Правильная форма *Делаешь* исключает непонимание Ридлеем ее книжного варианта *дѣлаеши*. В то же время форма *делаеша*, несмотря на тройное категориальное искажение по лицу, числу и времени, утратила свою определенность уже по всем этим категориям, но не исчезла из языка, как памятная глагольная словоформа. Удивительно, что формы на –ша в значении 3-го лица даются в грамматике Ридлея регулярно: *ростеша, молиша, кнуеша* (по всей вероятности, вм. *ткнула*), *будеша, хочеша, можеша*.

Далее Ридлей выделяет три прошедших времени глагола: имперфект, перфект и плюсквамперфект:

- *Imperfectum*. *Делалъ. Делала. Делали.*
- *Perfectum*. *Делалъ есмь. Делалъ еси. Делала, делалъ есть. Делали есми. Делали есте. Делали еясть.*
- *Plus[quam]perfectum*. *Бы делалъ. Бы делала. Бы делали.*

Представление Ридлея о трехкомпонентной системе прошедших времен, вне всякого сомнения, сложилось под влиянием латинской грамматики, из латыни же заимствованы и термины. Однако, поскольку указанные формы приведены вне контекста и отсутствуют какие-либо пояснения, остается непонятным, какое грамматическое значение Ридлей приписывал формам *Делалъ* и *Делалъ есмь*. Возможны три варианта (располагаем их по мере возрастания вероятности):

- Ридлей приписывал русским формам *Делалъ* и *Делалъ есмь* значения латинских форм имперфекта и перфекта, то есть значения незавершенного и завершенного действий в прошлом;
- он приписывал этим формам значения английских форм претерита (Past Indefinite) и перфекта (Present Perfect), обозначавших действия в прошлом, не связанные и связанные с настоящим¹⁰;
- Ридлей, как и во многих предыдущих примерах, отразил реальную речевую практику образованных москвичей – в русском языке XVI – XVII веков различия этих форм были стилистическими: форма *делалъ (я)* была просторечной, а *делалъ есмь* характерной для речи образованных людей (Черных 1953: 344 – 346). Вопрос о том, насколько это русское стилистическое различие дополняется еще и грамматико-семантическим различием наподобие болгарского пересказывательного наклонения, еще ждет своего выяснения.

Привлекают внимание необычные формы плюсквамперфекта *Бы делалъ. Бы делала. Бы делали*. Б.А. Успенский полагает, что в них формант *бы* мог произойти от *был*, с чем трудно согласиться, так как формы на *был* в плюсквамперфекте обычно давали частицу *было*, какая-либо редукция *-л-* после ударной гласной в

10. В научной литературе отмечается, что в литературном английском языке эти формы долгое время были синонимичными и их окончательное размежевание произошло в XVII веке (Иванова, Чахоян, Беляева 2001: 174 – 178).

источниках не зафиксирована. Вместе с тем Б.А. Успенский не исключает, что здесь могло иметь место смешение форм плюсквамперфекта с формами сослагательного наклонения (Успенский 1992: 110), что кажется вполне убедительным.

В грамматике Ридлея также отмечается, что будущее время в русском языке не отличается от настоящего:

*«The future tence differeth not fro the presente tence because ther verbs be in a manner both active and passive so tht **делаю** signifiet **I am to do it** wch sence differeth not much from **I will do it**.*

*(Будущее время не отличается от настоящего у глаголов как активных, так и пассивных, так что **делаю** означает **Я собираюсь сделать это**, значение которого не сильно отличается от **Я буду делать это**).*

Во второй половине XVI века в разговорном русском языке уже широко употреблялись формы будущего простого времени, образующиеся путем прибавления префиксов к основам глаголов несовершенного вида, и формы будущего сложного времени, которые образовывали вспомогательные глаголы *учну* и *стану*, реже *буду* с инфинитивами глаголов несовершенного вида (4, с. 184 - 185). Возможно, что представители московской элиты, с которыми общался Ридлей, в своей славянизированной русской речи избегали употребления этих форм (в церковнославянском языке формы настоящего времени глагола могли обозначать и действие в будущем).

В очерке Ридлея выделяются наклонения: повелительное (*imperative moode*), желательное (*optative moode*), сослагательное (*subiunctive moode*) и неопределенное (*infinitive moode*). Отмечается, что формы повелительного наклонения образуются от формы 1 лица единственного числа изъявительного наклонения путем замены *-ю* на *-и*. Дается сразу пять форм этого наклонения: *Делаи. Делает[ъ]. Делаем. Делаете. Делут*. Желательное наклонение образуется присоединением к форме изъявительного наклонения слов *дай Госноде* (*дай Госноде **делаю** – god grant I do it*), а сослагательное – присоединением к той же форме слова *как* (*Какъ язъ **делаю** – when I doe it*).

Последняя форма является, вероятно, результатом влияния английского языка, в русском же языке употреблялись формы сослагательного наклонения с *бы*: *акибы, какобы я (азъ) дѣлалъ*. Трудности в понимании и образовании формы сослагательного наклонения связаны с тем, что в тот период связка *бы* еще не перешла в частицу, как в современном русском языке. Она употреблялась свободно только при инфинитиве, как в Домострое. С формами на *-л-* она еще долго, вплоть до XVII века, была связана фразеологически, и аналитического сослагательного (условного) наклонения в современном смысле еще не было (Колесов 2009: 379).

Ридлей также выделяет безличные глагольные формы – причастия прошедшего времени на *-но* или *-на* (*делано, делана*). Далее он приводит целую систему причастий, в числе которых и два причастия будущего времени:

Present. ведавъ. ведавше. knowing
Preter. ведался. hathe bine knowen
Future act. ведаца. about to knowe
Future pass. ведалиса. to be knowen

Ошибочность всех этих примеров очевидна. Вероятно, в данном случае под влиянием латыни Ридлей строил искусственную систему причастных форм, включая в них те формы, которые он слышал в процессе общения, но которым не нашел места в системе личных форм. Существовавшие в русском языке XVII века полные формы действительных причастий на *-ущ-* и *-ящ-* и страдательных причастий на *-ем-*, *-им-* и на *-нн-* и *-енн-* в его грамматике не нашли отражения, возможно, потому, что они были характерны для письменной речи (4, с. 231-232). Однако в ней нашли отражение формы на *-вши-*, которые Ридлей ошибочно считал причастиями настоящего времени, вероятно, встречая их употребление в значении акционального и особенно статального перфекта, семантически всегда связанного с настоящим. Вместе с тем, как было указано выше, он различал краткие формы страдательных причастий (*делано, делана*), широко употреблявшиеся в разговорной речи.

Приводятся в грамматике Ридлея и формы так называемых дефективных глаголов (*verbs defectives*) *быть, есть, хотеть, мочь*, а также формы глаголов движения с приставками, усвоение которых всегда вызывает трудности у иностранцев. Приставки подаются в следующем порядке: *вышоль, вошоль, дошоль, зашоль, нашоль, отшоль, обшоль, перешоль, пошоль, пришоль, прошоль, ушоль, перешовъ, розшли, сошли*. Видно, что три последних словоформы изъяты из наиболее типичных, можно сказать, стереотипных высказываний, в которых имеется наиболее типичное семантическое согласование: *перешовъ мостъ, пошель дале* (движение к промежуточной цели); *они розшли ся, они сошли ся* (обязательно несколько субъектов). В грамматике представлено большинство пространственных приставок. На фоне переводов на английский язык видна всегда связанная препозитивная позиция русских приставок.

8. ПРЕДЛОГ

В грамматике Ридлея описываются три предлога (автор называет их знаками или артиклями – традиция, восходящая к первым французским грамматикам, опубликованным в Англии): *во, ко* и *со*. При этом значения предлогов *ко* и *со* передаются правильно: *ко – to. the signe of the dative case (к. предлог дательного падежа); со – w[i]th. sheweth the ablative case (с. предлог отложительного падежа)*. Значение предлога *во* передается не совсем точно: *во – of or in. the signe of the genitive or ablative case (во – от или в. предлог родительного или отложительного падежа)*. Предлог *во* ошибочно соотносится с родительным падежом и правильно – с отложительным в местном значении. В этом содержится еще один, уже функциональный признак смешения фонетически близких предлогов *въ* и *у*.

Трактовка «от» как предлога отложительного падежа идет из латыни, где Ablativus в отделительном значении во многих случаях сопровождается предлогом *ab (om)*. В русском же языке этот предлог употребляется с родительным падежом. Оба варианта нашли отражение в правиле, которое дает Ридлей.

9. ВЫВОДЫ

Марк Ридлей изучал русский язык главным образом самостоятельно, в непосредственном общении с носителями языка, и поэтому его грамматику можно рассматривать как ценное свидетельство естественного овладения вторым языком (naturalistic second language acquisition). Однако то, что он изображал русские слова не латинской графикой, как это делали многие иностранцы, а кириллицей, позволяет предположить, что он начинал изучать русский язык с учителем, который обучил его русской грамоте.

Грамматика Ридлея – это пример так называемого промежуточного языка или интеръязыка (interlanguage), который является переходной стадией процесса естественного овладения русским языком. На этой стадии одни грамматические явления уже усвоены, в употреблении других допускаются ошибки. Ридлей в первую очередь усваивал особенности образования и употребления форм настоящего и прошедшего времени глагола, степеней сравнения прилагательных, форм местоимений и лишь во вторую очередь правила образования и употребления падежных форм существительного и прилагательного, категорию рода, причастные и деепричастные формы. Большая часть допускаемых им ошибок вызвана внутриязыковой интерференцией, однако некоторые ошибки могли быть вызваны влиянием латинского или родного для Ридлея английского языка.

Представления Ридлея о русских грамматических категориях и формах во многом складывались под влиянием латинской грамматики, которая выступала для него готовым средством описания, своего рода матрицей, которую он заполнял по мере усвоения новых форм.

Овладевая русским языком, Ридлей испытывал большие затруднения, связанные с тем, что его окружала стилистически разнородная речь, в которой соседствовали славянизированная речь образованных людей и московское просторечие. Эти стилистически разнородные элементы нашли отражение в его грамматике, которую можно рассматривать как ценный источник знаний о разговорной речи москвичей конца XVI века.

Грамматика Ридлея имеет значимость не только для теории овладения вторым языком, но и для истории русского языка, как и другие иностранные источники, введенные в научный оборот Б.А. Лариным, Б.О. Унбегауном, Б.А. Успенским, Г. Кайпертом, В.М. Живовым и другими исследователями. Именно в ней впервые зафиксированы и отмечены Б.А. Успенским местоимение *этот*, и формы *евовъ*, *евово*, *евовим*, *евових*, *твойской*. Несомненно, русская грамматика и двуязычные словари Ридлея, в которых представлен богатейший языковой материал, в дальнейшем еще не раз привлекут к себе внимание исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

GLÜCK, J.E. (1994): *Grammatik der russischen Sprache (1704)*. Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. Uspenskij und V. Živov. Böhlau Verlag. Köln; Weimar; Wein.

- STONE, G. (1996): A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue. Attributed to Mark Ridley. Edited from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introduction by G. Stone. Böhlau Verlag. Köln; Weimar; Wein.
- UNBEGAUN, V. (1935): La langue russe au XVIe siècle (1500-1550). I. La Flexion des noms. Paris.
- АЛПАТОВА, Е.А. (2005): Формы родительного-дательного-местного падежей единственного числа существительных с исторической основой на *-а в памятниках псковской письменности XIV - XVII веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва.
- ГЕРАСИМОВА, И.В. (2009): Структурно-семантический и функциональный анализ глагольных форм прошедшего времени в старорусской письменной речи XV-XVII веков. Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород.
- ИВАНОВА, И.П., ЧАХОЯН, Л.П., БЕЛЯЕВА, Т.М. (2001): История английского языка. Изд-во СПбГУ. Санкт-Петербург.
- КОЛЕСОВ, В.В. (2009): Историческая грамматика русского языка. Изд-во СПбГУ. Санкт-Петербург.
- КОТКОВ, С.И. (1974): Московская речь в начальный период становления русского национального языка. Изд-во «Наука». Москва.
- КОТКОВ, С.И. (1977): Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги. Изд-во «Наука». Москва.
- КОТКОВ, С.И. (1990): Памятники южновеликорусского наречия: Конец XI – начало XVIII в. Изд-во «Наука». Москва.
- ЛУКОНИНА, О.Д. (2005): Отражение процесса нивелировки родовых различий во множественном числе у именных родоизменяемых слов в памятниках русской письменности XII - XVII веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород.
- НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА (2014): Национальный корпус русского языка: Старорусский подкорпус. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-mid_rus.html (дата обращения: 15.01.2014).
- НИКИФОРОВ, С.Д. (1952): Глагол: Его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. Изд-во Академии наук СССР. Москва.
- РУССКАЯ ГРАММАТИКА (1980): URL: <http://rusgram.narod.ru/1342-1365.html> (дата обращения: 15.01.2014).
- ФЕДОРОВ, И. (1574) Букварь. Типография Ивана Федорова. Львов.
- УСПЕНСКИЙ, Б.А. (1992): «Доломоносовские грамматики русского языка (итоги и перспективы)» В кн.: «Доломоносовский период русского литературного языка». Slavica Suecana. Series B –Studies. Vol. 1. Stockholm.
- ЧЕРНЫХ, П.Я. (1952): Историческая грамматика русского языка. Изд-во «Учпедгиз». Москва.
- ЧЕРНЫХ, П.Я. (1953): Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. Изд-во Академии наук СССР. Москва.
- ЯГИЧ, И.В. (1895): «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке». В кн. «Исследования по русскому языку». Том I. Изд. Императорской Академии наук. Санкт-Петербург.